

УДК 343.8(470)

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: reent2@yandex.ru;**СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ АРХИПОВ,**Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: justice4@yandex.ru**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 1917 ГОДА
(к 100-летию Февральской буржуазно-демократической революции в России)**

Реферат: дан анализ организационно-правовых преобразований пенитенциарной системы России в условиях, последовавших за падением самодержавия; представлены цели и основные направления деятельности Главного управления мест заключения Министерства юстиции Временного правительства по реформированию системы исполнения уголовных наказаний, даны оценки влияния на него сложившейся общественно-политической обстановки.

Ключевые слова: история отечественного права и государства, Главное управление мест заключения Временного правительства, пенитенциарная система России, Общая тюремная инструкция 1915 г., реформа тюремной системы.

JURIJ ARSENOVICH REENT,Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation,
e-mail: reent2@yandex.ru;**SERGEJ VALENTINOVICH ARHIPOV,**Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation,
e-mail: justice4@yandex.ru**THE PRISON SYSTEM OF RUSSIA IN CONDITIONS OF CRISIS OF 1917
(to the 100 anniversary of the February bourgeois-democratic revolution in Russia)**

Abstract: the analysis of the legal reforms of the penitentiary system of Russia in conditions consistent lished the fall of the autocracy; presents the objectives and main activities Main Directorate of places of detention of the Ministry of justice of the Provisional government to reform the system of execution of criminal penalties, the assessment of the impact of the current socio-political situation.

Keywords: history of Russian law and the state of the Main administration of places of detention of the Provisional government, the Russian penitentiary system, the prison manual 1915, reform of the prison system.

Перемены, происшедшие в российском обществе за последний век, переоценка ценностей, казавшихся незыблемыми и значимыми, заставили по-новому взглянуть на нашу относительно недавнюю и более отдаленную историю. Пренебрежительное отношение к своему прошлому обернулось для нас повторением старых ошибок, так как многое из этого исторического опыта не потеряло своей актуальности. 100 лет назад Россия мучительно переживала процесс становления демократического государства. Как показывают научные исследования этой проблемы, не всегда рационально использовался опыт, накопленный реформаторами в условиях царской России.

К началу 1917 г. было уже очевидно, что основные административно-политические институты Российской империи теряли власть. Органы юстиции в числе немногих продолжали относительно эффективно функционировать. Тем не менее часть

их персонала достаточно активно участвовала в антиправительственных выступлениях. Особо в этом отличились Петроградская и Московская конвойные команды, которые оказались в гуще революционных событий. В частности, чины Московской конвойной команды приняли участие в освобождении политических заключенных Центральной пересыльной тюрьмы. Подобные картины можно было наблюдать в Нижнем Новгороде, Омске, Ростове и других «тюремных центрах» [1, с. 36].

Управление Министерства юстиции 2 марта 1917 г. переходит в руки А. Ф. Керенского, который создает Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. Важнейшим направлением своей деятельности в начальный период Временное правительство считало ликвидацию последствий карательной политики цариз-

© Реент Ю. А., Архипов С. В., 2017

© Reent Ju. A., Arhipov S. V., 2017

ма. Формировавшееся в течение длительного времени в разных слоях общества отношение к тюремной системе как к институту насилия и беззакония проявлялось, с одной стороны, в массовых погромах тюремных учреждений, с другой – в стремлении отказаться от наиболее одиозных форм наследия царизма.

В представлениях многих лидеров, вышедших в февральские дни на политическую арену, царские тюрьмы отождествлялись исключительно с произволом, невыносимыми бытовыми условиями, ущемлением прав личности. С таких позиций они ранее выступали в Государственной Думе, в печати, на митингах, тем самым формируя негативное отношение населения к силовым структурам власти, и прежде всего к тюремным учреждениям.

Несомненно, что подобные настроения не могли не оказать влияния и на первые мероприятия Временного правительства по изменению пенитенциарной системы. 26 апреля Главное тюремное управление преобразуется в Главное управление местами заключения (ГУМЗ). Его начальником был назначен профессор права А. А. Жижиленко. Он полагал, что принуждение в области правоохранительной деятельности является «лишь грубым суррогатом добровольного выполнения человеком своих обязанностей, так как вообще принуждение есть абсолютно негодное средство для осуществления права» [2, с. 27]. По его рекомендации Совет по тюремным делам преобразуется в Совет по делам мест заключения, а Общество попечения о тюрьмах остается неизменным.

Формируется курс, согласно которому старая тюремная администрация должна незамедлительно увольняться, чему обычно даже не пытались найти убедительные обоснования. В частности, приказ начальника ГТУ от 17 марта 1917 г. утверждал, что «имеющийся в настоящее время тюремный персонал, воспитанный в атмосфере бесправия и неуважения к человеческой личности и усвоивший навыки прежнего строя, должен быть признан мало пригодным для осуществления задач внутреннего государственного строя и свободной общественной жизни» [3, л. 61].

В качестве основы предстоящего реформирования системы исполнения уголовных наказаний Министерства юстиции были положены гуманистические принципы. Отметим, что в условиях развития правового государства они остаются неизменными и для современной уголовно-исполнительной политики. Однако после революции в первую очередь предстояло сформировать сеть временных гражданских судов, состоявших из мирового судьи и по одному представителю от солдатского (матросского) и рабочего Советов. В их полномочия входило определение таких ви-

дов наказаний, как замечание, выговор, внушение, штраф до 1000 рублей, арест до 3 месяцев, тюремное заключение до 1,5 года.

Новые подходы к исполнению наказаний нашли отражение в ведомственных нормативных актах. Приказами начальника Главного тюремного управления от 8 марта 1917 г. и Главного инспектора по пересылке арестантов от 8 мая 1917 г. устранялось наложение на заключенных всех видов оков (кандалы и наручники) [3, л. 41]. 12 марта отменяются смертная казнь, телесные наказания. Циркуляром ГУМЗ от 26 мая 1917 г. рекомендовалось все находящиеся в местах заключения оковы направлять в тюремные мастерские для хозяйственных нужд учреждений или предоставлять заводам военного ведомства. В циркуляре главного инспектора по пересылке арестантов предписывалось все имеющиеся запасы наручников и предупредительных связок передать начальникам ближайших мест заключения [4, с. 100].

В целом события, последовавшие за Февральской буржуазно-демократической революцией, внесли сумятицу в действия властей. Зашаталась некогда прочная тюремная система. На 1 февраля 1917 г. в местах лишения свободы содержалось более 155 тыс. человек, из них: под арестом находилось 1638, в тюрьмах – 2604, в крепостях – 176, на каторге – 36 337, в арестантских отделениях – 26 737, на пересыльных этапах – 8008 осужденных. Кроме того, в учреждениях, подчиненных не ГТУ, а только местной администрации, содержалось более 30,5 тыс. заключенных [5, л. 3], из них в помещениях при полицейских околотках, участках и в волостях находились 21,5 тыс. человек, под административным арестом – 5608, остальные были в «долговых ямах» и в исправительных приютах для несовершеннолетних.

Временное правительство 6 марта 1917 г. провозводит массовую амнистию. На свободу отпущено более 88 тыс. человек, из которых 67,8 тыс. составили уголовные преступники. 17 марта вышло постановление об облегчении участи лиц, совершивших преступления. Оно предусматривало сокращение срока заключения наполовину каторжанам, добровольно возвратившимся беглецам и дезертирам, условное освобождение осужденным, желавшим уйти на фронт, и др. 26 апреля принимается постановление «Об отмене ссылки».

Однако гуманность новой власти не спасла пенитенциарные учреждения от актов вандализма. Первым было сожжено имущество Шлиссельбургской крепости. Затем произошли погромы в тюрьмах Витебской, Воронежской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Тверской, Херсонской и Эстляндской губерний [3, л. 58–58 об.]. Уничтожена значительная

часть судебных и тюремных архивов. Эти и многие другие факты позволяют сделать вывод о том, что сам акт амнистии был не столько красивым жестом новой власти в духе демократизации общества, сколько вынужденным шагом, нацеленным на придание законности множасьимся анархическим проявлениям, идущим «снизу» от масс.

С 1 марта по 1 апреля 1917 г. число заключенных уменьшилось на 75 % и составило 41 509 чел. 1 июня их осталось только 25 193. Долго места лишения свободы были полупустыми, а многие просто упразднили. Так, средняя заполняемость каждой из 11 тюрем Витебской губернии составляла 32 человека, 14 тюрем Владимирской губернии – 23,5 человека [3, л. 23]. Пассивность административной власти приводила к тому, что население само пыталось навести порядок и далеко не всегда законными методами. Так, в Одессе, устав от безнаказанности воров, толпа избивала пойманных двенадцать грабителей, а затем, облив их керосином, подожгла [6, с. 6].

Основные направления реформы тюремной системы были изложены в приказе № 1 начальника ГТУ от 8 марта [3, л. 61]. Типология мест лишения свободы оставалась практически неизменной. Важнейшей из новых задач определялось перевоспитание оступившихся людей, недопущение оскорбления их человеческого достоинства. 27 апреля 1917 г. начальник Главного управления мест заключения разрешил делать отступления от Общей тюремной инструкции 1915 г. Допускалось оставление камер открытыми, предоставление осужденным свиданий с родными почти без ограничений и без разделения решеткой, кратковременный выход в город, введение института старост из самих заключенных [3, л. 21, 48].

Осуществляя указанные выше меры, ГУМЗ считало недопустимым в условиях становления новой государственности применение отдельных мер взыскания, имевших место в царской тюрьме. В циркуляре от 24 мая 1917 г. указывалось, что наказание заключенных темным карцером не служит задачам нравственного исправления заключенных. К тому же антисанитарное состояние большинства карцеров вредно сказывалось на «их физическом и душевном состоянии...» [4, с. 97].

Несомненно, что столь гуманные меры, введенные ГУМЗ, имели огромное значение для становления прогрессивной модели исполнения наказания в пенитенциарных учреждениях обновленной России. Однако Главным управлением не были учтены реалии переживаемого времени: общеполитическая ситуация оказывала влияние на заключенных, приводя к многочисленным конфликтам последних с администрацией мест заключения. Недостаточно устойчивым было положение надзи-

рательского состава как представителей старого режима. Радикализм этих мер вызывал возмущение у ряда надзирателей и чинов прокурорского надзора. Так, один из прокуроров писал: «...вследствие запрещения употребления кандалов и содержания в карцере, арестованные совершенно отказываются повиноваться тюремной власти» [8, с. 38]. Конфликтные ситуации возникали и в связи с провокациями заключенных. В письме на имя министра юстиции заключенный Иркутской тюрьмы Быков просил возратить ему сапоги стоимостью 36 рублей, будто бы отобранные у него старшим надзирателем Бычковым [9, л. 8].

Главное управление мест заключения циркуляром обязало иркутского губернского тюремного инспектора произвести расследование. В ответе от 6 июня 1917 г. губернский комиссар и тюремный инспектор сообщали, что заключенный Быков собственных сапог не имел и по поводу инцидента к начальнику тюрьмы Пугавко не обращался. В итоге пришли к выводу о том, что осужденный «умышленно хотел получить деньги с надзирателя Бычкова, имея к тому же на него злобу» [9, л. 6].

Нельзя не отметить, что часто конфликтные ситуации возникали по вине самих сотрудников мест заключения. Так, в приказе начальника Рязанской губернской тюрьмы от 3 мая 1917 г. говорится: «При посещении арестантского отделения при губернской земской больнице содержащиеся там арестанты заявили жалобу на дежурившего в апреле надзирателя Гаврилина, оставлявшего по целым часам отделение, и когда по возвращении заключенные обращали внимание на его служебную небрежность и вытекающие отсюда нарушения их прав, так как во время его отсутствия они не могли быть выпущены из палаты, Гаврилин отвечал площадной бранью» [10, л. 6].

В целом же февраль 1917 г. явился началом бурного и стремительного процесса демократизации и политизации общества. Это проявилось прежде всего в создании и деятельности различных общественных организаций, чрезвычайной активности народных масс. Однако отсутствие нормативного регулирования таких отношений приводило к отсутствию четкого определения их места, роли и выполняемых функций в новой политической системе общества. Это было важно по следующим причинам.

Во-первых, политическая система общества в послефевральский период находилась в процессе формирования и поэтому в достаточной мере не могла аккумулировать все политические институты, обезопасить практику политической жизни, противостоять анархическим тенденциям, в том числе и в тюремной сфере.

Во-вторых, высокая степень активности общественных организаций, мало представляющих свою роль, задачи и функции в политической системе, приводила к вмешательству в функциональную деятельность государства.

В-третьих, стремительное развитие общественных отношений и отсутствие должного законодательства привели к образованию «правового вакуума», что позволяло как общественным организациям, так и частным лицам поступать в зависимости от революционных устремлений их лидеров или собственного понимания свободы и демократии как вседозволенности.

В-четвертых, создавшееся положение усугублялось крайне низким уровнем правосознания и правовой культуры населения.

Правовой нигилизм господствовал во всех слоях общества, что создавало трудности функционирования власти. Раскрывая эту ситуацию, А. И. Шингарев писал: «Сотни изданных Временным правительством за шесть месяцев законов и приказов остаются большей частью неизвестными и не выполняются. Ими даже мало кто интересуется. Закон никогда не был в таком пренебрежении потому, что никогда не была так слаба власть» [11, с. 1].

Указанные обстоятельства существенно влияли на нормальное функционирование пенитенциарной системы. В результате народных волнений в феврале – марте оказались разрушенными многие места заключения. Так, восставшими было почти полностью уничтожено делопроизводство Главного тюремного управления. Кроме того, на деятельность мест лишения свободы оказывали значительное, нередко деструктивное влияние различные общественные организации, подменяя собой компетентные государственные органы.

К тюремному персоналу отношение ужесточилось практически сразу. В ряде мест начальников тюрем заменили комиссарами военно-революционных комитетов. Они, в свою очередь, формально подчинялись местным Советам депутатов, но нередко находились с ними в довольно сложных отношениях. Вне зависимости от профессиональных качеств рекомендовалось заменить сотрудников, работавших при старом режиме, на военных-инвалидов, окончивших краткосрочные курсы. Руководствовались при этом не соображениями целесообразности, а идеологическими мотивами. В постановлении от 29 июля 1917 г. утверждается новая структура центрального аппарата тюремного ведомства. Весь аппарат ГУМЗ состоял из 89 чиновников [12, л. 2].

Исполкомы общественных организаций вмешивались не только в кадровые назначения тюремного ведомства. Так, в телеграмме Владимирскому

губернскому комиссару начальник ГУМЗ А. А. Жижиленко сообщал: «По поступившим сведениям, местный исполнительный комитет постановил упразднить каторжную тюрьму, уволить служащих. Признавая комитет неправомочным выносить такие постановления, прошу аннулировать таковое» [13, л. 155].

Начальник ГУМЗ одновременно по должности являлся председателем Совета по делам мест заключения. Это был общественный орган, собиравший и систематизировавший все предложения, направленные на улучшение тюремной системы, функционирования ее органов и должностных лиц, порядка содержания заключенных. Наиболее слабым местом этого Совета являлось отсутствие действенной взаимосвязи с местами лишения свободы, поскольку все его члены представляли столичные учреждения, а реальных средств на инспекционные командировки практически не предусматривалось. Это сказывалось на работе управленцев местного уровня.

В ряде тюрем представители Советов и профсоюзов в открытую пытались подменить руководителей учреждений. Так, курский губернский комиссар 19 июня 1917 г. сообщал в ГУМЗ, что «Щигровский уездный исполнительный комитет в начале апреля сего года отстранил от должности начальника местной тюрьмы Галузинского и на место его назначил письмоводителя Щигровской милиции Мишунова, которому определил жалование в размере 100 рублей в месяц [13, л. 56]. В ответе ГУМЗ указывалось, что подобные действия Щигровского исполнительного комитета являлись подрывом власти Временного правительства. В обращении подчеркивалось, что выдвинутые государственным переворотом общественные организации должны поддерживать установившуюся власть, а не препятствовать ее осуществлению.

Активизация различных общественных организаций и их вмешательство во властные функции правительства и его органов обостряли ситуацию в стране, мешали созидательной работе. Например, без согласования с Минюстом распоряжением губернского исполнительного комитета народной власти Самарская тюрьма была принята в ведение комитета. Тюремный инспектор П. Н. Кошуров-Масальский был отстранен от должности по «несоответствию новым условиям службы». Предполагалось произвести замещение этой должности путем выборов общим собранием окружного суда с участием адвокатуры и прокуратуры.

Подобные инициативы местных общественных организаций, действующих на основе так называемого революционного права, вмешивающихся в работу учреждений Министерства юстиции, были нередки. Прежние чины ведомства без особых раз-

бирательств были причислены новой властью к сторонникам самодержавия. Главным критерием для назначения новых лиц выступал часто не их профессионализм, а политические взгляды.

Сначала такие действия «демократической общественности» даже приветствовались, но уже перед корниловским мятежом было восстановлено единоначалие и утверждена строгая схема служебных взаимоотношений чинов тюремного ведомства [13, л. 7–8]. Усилилась ответственность за неповиновение и антиправительственные выступления на фронте. 12 июля были учреждены военно-революционные суды и введена смертная казнь за государственную измену, шпионаж и еще 7 составов преступлений [14, с. 467]. Постепенно был ужесточен и режим содержания заключенных. Возобновлены обыски, покамерное содержание, введены ограничения в организации свиданий с посетителя-

ми и т. д. Таким образом, постепенно произошло возвращение к положениям, закрепленным Общей тюремной инструкцией 1915 г.

Всего за неполных 8 месяцев сменилось 5 министров юстиции (А. Ф. Керенский, П. Н. Перверзев, И. Н. Ефремов, А. С. Зарудный, П. Н. Малянтович), так что проявить себя они не успели. Трудности функционирования правоохранительной системы были обусловлены как остротой политического противостояния, так и радикализацией различных социальных слоев и групп, что, несомненно, сказалось на проводимых в пенитенциарной сфере преобразованиях. События, последовавшие за падением монархии в России, изменили социально-политическую обстановку и морально-психологическое состояние общества. Что же касается пенитенциарной системы, то ее старая модель была разрушена, а для создания новой не хватило ни времени, ни сил.

Список литературы

1. Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917 : док. и материалы / под ред. В. Ф. Некрасова. М. : Экзамен, 2002. 576 с.
2. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград : Типография «Правда», 1914. 684 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 7–8, 23, 41, 48, 58–58 об, 61.
4. Вестник пенитенциарных знаний. 1917. № 1–6. 110 с.
5. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 2. Д. 361. Л. 3.
6. Гернет М. Н. Суд и самосуд. М. : Изд. Московского союза потребительских обществ, 1917. 14 с.
7. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.
8. Скрипилев Е. А. Тюремная политика и тюремное законодательство Временного правительства : лекция. М., 1968. 64 с.
9. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 3282. Л. 6, 8.
10. ГАРФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.
11. Шингарев А. И. Кризис власти // Вестник партии народной свободы. 1917. № 20. С. 1–10.
12. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.
13. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 130. Л. 56, 155.
14. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Т. Е. Новицкая [и др.] / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1990. 479 с.

References

1. Vnutrennjaja i konvojnaja strazha Rossii 1811–1917 [Internal and convoy Russian guards 1811–1917]. Dok. i mater. / pod red. V. F. Nekrasova. Moscow, 2002. 576 p.
2. Zhizhilenko A. A. Nakazanie. Ego ponjatie i otlichie ot drugih pravooxranitel'nyh sredstv [Punishment. Its concept and difference from other law enforcement instruments]. Petrograd, 1914. 684 p.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee GARF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)]. Found 7420. Inventory 1. Case 122. Pp. 7–8, 23, 41, 48, 58–58 turn the page, 61.
4. Vestnik penitencijarnykh znanij – Bulletin of the penitentiary knowledge, 1917. no. 1–6, 110 p.
5. GARF [SA RF]. F. 7420. I. 2. C. 361. P. 3.
6. Gernet M. N. Soud i samosud [Court and lynching]. Moskow, 1917. 14 p.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti (dalee GA RO) [State Archive of the Ryazan region (SA RR)]. F. 220. I. 1. C. 7. P. 21.

8. Skripilev E. A. Tjurenaja politika i tjurennoe zakonodatel'stvo Vremennogo pravitel'stva [Prison policy and prison laws of the Provisional government]: Lekcija [Lecture]. Moscow, 1968. 64 p.
9. GARF [SA RF]. F. 122. I. 5. C. 3282. P. 6, 8.
10. GARF [SA RF]. F. 220. I. 1. C. 54. P. 6.
11. Shingarev A. I. Krizis vlasti [Crisis of state power] // Vestnik partii narodnoj svobody – Bulletin of the people's freedom party, 1917, no. 20, pp 1–10.
12. GARF [SA RF]. F. 7420. I. 1. C. 158. P. 2.
13. GARF [SA RF]. F. 7420. I. 1. C. 130. P. 56, 155.
14. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava SSSR. Dooktjabr'skij period [Reading-book on the history of State and Law of the USSR. Pre-October period] / Novickaja T. E., Portnov V. P., Semiderkin N. A., Titov Ju. P., i dr.; Pod red. : Ju. P. Titova, O. I. Chistjakova. Moscow, 1990. 479 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реент Юрий Арсенович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: reent2@yandex.ru;

Архипов Сергей Валентинович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: justice4@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Реент, Ю. А. Пенитенциарная система России в условиях кризиса 1917 года (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической революции в России) / Ю. А. Реент, С. В. Архипов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25(1–4), № 2. – С. 230–235.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Reent Jurij A. – doctor of historical sciences, professor, professor department of philosophy and history Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation, e-mail: reent2@yandex.ru;

Arhipov Sergej V. – phd in law, associate professor of the department of state and law, international and european law Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation, e-mail: justice4@yandex.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Reent Ju. A., Arhipov S. V. Penitencijarnaja sistema Rossii v uslovijah krizisa 1917 goda (k 100-letiju Fevral'skoj burzhuazno-demokratičeskoj revoljucii v Rossii) [The prison system of Russia in conditions of crisis of 1917 (to the 100 anniversary of the February bourgeois-democratic revolution in Russia)]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – Man: crime and punishment, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 230–235.